

Киреева Н.В.

ПОНЯТИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ В СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: Автор продолжает рассмотрение международной интеграции как системного феномена. Функциональный подход к исследованию элементов и компонентов интеграционного объединения, а также совмещение результатов различных способов декомпозиции интеграционной целостности дают представление о ее структуре. При этом функция элемента или компонента выступает в качестве взаимосвязи, определяющей порядок включения части в целое. В обществе роль таких связей играют социальные интересы, которые имеют сложную структуру и субъект-субъектную направленность. Социальные интересы выступают внутренним источником активности субъектов международной интеграции, которые действуют на всех уровнях и во всех сферах социальной организации. При таком подходе государства уже не являются единственными субъектами международной интеграции, а межгосударственные соглашения о создании зон свободной торговли, таможенных союзов, совместных экономических пространств не исчерпывают всего многообразия ее проявлений. Примеры из современной экономической и политической практики представляют деятельность индивидов, предприятий, транснациональных корпораций, регионов, государств, а также межгосударственных объединений в качестве субъектов интеграции.

Review: The author continues to view international integration as a system phenomenon. The functional approach to researching elements and components of integration as well as combination of the results of different decompositions create the image of the structure. Particular function of the element or component is represented as the interrelation which defines the order of inclusion of the part into the whole. In social environment the role of such relations is usually performed by social interests. Social interests have a complex structure and oriented from a subject to a subject. Social interests are presented as the internal sources of activity performed by international integration actors acting at all levels and in all spheres of social activity. If we use this approach, we can understand that governments are not the only actors of international integration and international treaties and agreements about creating the zones of free trade, customs unions, common economic areas are not the only forms of international integration. Examples from modern economic and political experience present individuals, enterprises, trans-national corporations, regions, states and inter-state units as integration actors.

Ключевые слова: Международная интеграция, субъекты международной интеграции, потребности, социальные интересы, региональные интеграционные объединения, таможенный союз, европейская интеграция, евразийская интеграция, межгосударственные объединения, интеграционная целостность

Keywords: International integration, actors of international integration, needs, social interests, regional international units, customs union, European integration, Eurasian integration, interstate units, integration.

Как показал еще Г.В.Ф. Гегель, в отношении части и целого ни одна из сторон не может рассматриваться без другой, поскольку часть вне целого – уже не часть, а иной объект, но и целое без (до) частей немислимо, ибо абсолютно простое и неделимое даже в мысли тело не может иметь никаких свойств и не способно взаимодействовать с другими телами. Поэтому если до сих пор в центре нашего внимания были различные проявления целостности интеграционного феномена, то теперь, очевидно, речь должна идти об образующих эту целостность частях. И первый же возникающий в связи

с этим вопрос – это вопрос о способе расчленения целого.

Если декомпозиция исходного сложного объекта идет по пути выделения в его субстрате таких составляющих, которые сами выступают как целостности, то мы получаем представление о его морфологии (строении). Процесс расчленения в этом случае не имеет внутреннего предела, ведь каждая из частей в принципе может быть снова расчленена на части. Временно ограничить такое деление могут лишь современные научные представления о том, какие мельчайшие части могут рассматриваться в качестве целостностей.

Политика и общество 11 (107) • 2013

Представление о структуре (организации) объекта может дать альтернативный подход – функциональный. Различные характеристики исследуемого объекта синтезируются в целостную картину при помощи системы функций по удовлетворению потребностей, которые являются необходимым и достаточным условием его существования. При этом функция понимается не в математическом, а в более широком и менее строгом смысле, как взаимосвязь, определяющая порядок включения части в целое, как такое отношение части к целому, при котором само существование или какой-либо вид проявления части обеспечивает существование или какую-либо определенную форму проявления целого¹. Тогда выделяемые структурные единицы задаются и определяются не «сами по себе», а через их функциональное отношение друг к другу и ко всей системе в целом. Это обстоятельство, тем не менее, не препятствует рассмотрению выделенных структурных единиц в качестве целостностей, то есть выяснению присущих им существенных черт.

Вопрос о том, что следует считать элементарной структурной единицей, по сути, является методологическим, поскольку требует анализа оснований, на которых строятся знания об объекте, в частности, любое интеграционное или дезинтеграционное изменение должно быть понято как процесс, происходящий на уровне элементарной интеграционной структуры. Но в процессе теоретического воспроизведения сложного объекта декомпозиция исследуемой системы может производиться, как было показано, различными способами. В результате возникает несколько «срезов», каждый из которых представляет определенный аспект системы, и лишь их совмещение позволяет получить представление о целостности исследуемого фрагмента реальности. Соответственно, в результате каждого из возможных способов расчленения системы могут быть выделены различные ее элементы. Поэтому очевидно, что понятие элемента далеко не тождественно понятию атома: элемент является таковым лишь по отношению к данной системе, представляя собой минимальный (далее не делимый) компонент си-

стемы или же максимальный предел ее расчленения при данном способе декомпозиции в соответствии с поставленной исследовательской задачей.

В рамках функционального способа членения собственное строение элемента оказывается не существенным для характеристики всей системы, а его составляющие уже не рассматриваются как компоненты данной целостности. Так, для исследования интеграции не имеет значения структура человеческой психики или анатомическое строение тела человека. Однако элемент не может быть описан вне его функциональных характеристик. Другими словами, с точки зрения системы важно в первую очередь не то, каков субстрат элемента, а то, что делает, чему служит элемент в рамках целого. Поэтому элемент определяется как минимальная единица, способная к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции².

Исследуемые нами интеграционные процессы протекают в социальной действительности, по отношению к которой чаще других принято применять два способа декомпозиции. Первый из них базируется на представлении о многоуровневом (многоплоскостном) горизонтальном членении общества и предполагает выделение в качестве уровней социальной системы индивидов и образованные ими группы низшей и высшей степени общности, включая государства, межгосударственные интеграционные объединения и международное сообщество в целом. При этом каждая такая группа может рассматриваться как определенным образом заданная система функций индивидов, входящих в ее состав. Таким образом, элементами интеграционного целого будем считать индивидов, а частями (компонентами, подсистемами) – образованные в результате их взаимодействия социальные группы разной степени общности.

Второй способ предполагает выделение различных сфер общественной жизни – экономики, политики, культуры и других, которые выступают как всеобъемлющие, относящиеся к каждому уровню социальной организации. Такое членение условно можно назвать вертикальным, поскольку оно пронизывает всю социальную систему снизу

¹ *Сетров М.И.* Принцип системности и его основные понятия. // Проблемы методологии системного исследования. М: Мысль, 1970. С. 53.

² *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 61, 184-185.

доверху. Взаимное наложение результатов обоих способов декомпозиции позволяет учитывать в вертикальных членениях горизонтальные срезы и наоборот, что способствует более полному описанию системы.

Если структура исследуемого объекта задается через потребностные функции, то их набор выступает его заместителем. Поэтому социальный субъект, представляющий собой совокупность общественных отношений, «может быть понят как целостность потребностей»³.

Потребности удовлетворяются (разрешаются) в процессе деятельности. При этом в отличие от биологической активности животного, специфически человеческая – трудовая деятельность направлена не на приспособление в ходе эволюции организма и его потребностей к условиям внешней среды, а на сознательное и целенаправленное преобразование среды в соответствии с потребностями человека. Сходство человеческой деятельности и биологической активности только в их предметном характере. Различие – в качестве предметов, на которые они направлены: предмет биологической активности – природная вещь в ее естественном виде; предмет трудовой деятельности – продукт, произведенный человеком из вещества природы. «Лишь немногие продукты природы можно при утонченных потребностях использовать такими, как они есть; большинство должно предварительно пройти множество процессов переработки. ... Природа приходит к человеку как нечто уже переработанное им и является поэтому чем-то двойственным»⁴. Из сказанного следует, что область исследования социальной действительности при избранном нами способе ее декомпозиции оказывается заданной в первую очередь тем вертикальным членением, которое соответствует экономической сфере.

С функциональной характеристикой элемента связано представление о его активности в системе, которое порождает парадоксальную на первый взгляд ситуацию: если это элемент, то в рамках данной системы он далее не делим; если же он способен к действию, то он с необходимостью должен обладать определенным источником активности и, следовательно, в этом смыс-

ле обязательно сам должен быть рассмотрен как сложный объект и подвергнут расчленению, хотя бы в рамках другой системы или другого системного представления данного объекта.

Источник всякой активности – диалектическое противоречие. Следовательно, потребность, которая «есть свойство всего живого, выражающее первоначальную, исходную форму его активного, избирательного отношения к условиям среды»⁵, представляющее собой объективное противоречие между субъектом и средой его существования⁶, выступает в качестве источника активности биологической и социальной. Отличительной особенностью социальной активности является ее осознанный характер, а это значит, что применительно к ней речь должна идти уже не столько о потребностях, сколько об интересах.

С тем, что интерес можно определить как осознанную потребность, согласно большинство исследователей. Обе категории – потребность и интерес – «выработаны в истории общественной мысли для обозначения непосредственных причин социальных действий, в результате которых происходят изменения и преобразования в различных сферах жизни»⁷. Содержание обеих категорий, в конечном итоге, заключается в природном и социальном расширенном воспроизводстве действительного бытия человека. В этом их сходство.

Различие же состоит в объеме содержания этих категорий. Потребности характерны как для биологических, так и для социальных систем, а интерес – исключительно социальное явление. Впервые в истории общественной мысли на это различие потребности и интереса указал И. Кант: «только о разумном существе говорят, что оно проявляет к чему-нибудь интерес; существа, лишенные разума, имеют только чувственные побуждения»⁸. Это – во-первых.

³ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С.13-14.

⁶ Подробнее об этом: Киреева Н.В. Потребности социального субъекта как система / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И.Ленина. – М., 1997. – 36 с. – Деп. в ИНИОН РАН 6.02.97, № 52307.

⁷ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. С.3.

⁸ Кант И. Сочинения. М., 1965. Т.4. Ч.1. С. 306.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.227.

⁴ Там же. С.437.

Во-вторых, интересы обуславливаются потребностями. Это значит, что в основе интересов лежат потребности людей, потребности составляют главное содержание интересов. Потребность может существовать независимо от интереса, интерес без лежащей в его основе потребности невозможен. С другой стороны, с интересом связана не всякая потребность, а только устойчиво повторяющаяся или такая, которая в силу каких-либо обстоятельств не удовлетворяется или удовлетворяется не в полной мере и поэтому становится актуальной для субъекта.

В-третьих, потребность ориентирована, прежде всего, на предмет ее удовлетворения и выражает непосредственное отношение субъекта к предмету потребления (субъект → объект). Интерес же направлен на условия, делающие возможным разрешение потребностного противоречия, на те социальные отношения, институты, учреждения, от которых зависит удовлетворение социализированных потребностей⁹ (субъект → субъект). Он выражает отношение субъекта к путям и способам реализации потребности, то есть к его собственной деятельности: интерес есть «момент субъективной единичности и ее деятельности»¹⁰; «ничто не осуществляется поэтому помимо интереса»¹¹. Другими словами, потребность выражает зависимость субъекта от внешней среды, интерес фиксирует еще и «меры», осуществление которых ведет к избавлению от этой зависимости. Таким образом, интерес по сравнению с потребностью более конкретно выражает специфику социальных отношений, особенности социальной активности, связанной не только с избирательным, но и с практическим, преобразовательным отношением к среде. В силу этого интересы оказываются в определенном смысле более значимыми, важными с точки зрения обеспечения действительных условий жизни. Именно по этой причине интересы, в отличие от потребностей, оставляют более глубокий след в общественном и индивидуальном сознании.

Главное же различие рассматриваемых явлений состоит в том, что потребности представ-

ляют собой явление объективное (необходимость их удовлетворения существует независимо от воли и сознания субъекта), а интересы имеют объективно-субъективную природу. Интерес, с одной стороны, имеет материальную основу (объективно существующую потребность социального субъекта), а с другой – всегда так или иначе, более или менее глубоко, правильно или неправильно отражается в сознании и оформляется в нем в виде определенных целей.

Рассмотрение интереса как явления лишь субъективного порядка не дает ответа на вопрос, что же является первопричиной его формирования. Сведение категории интереса к ее объективной составляющей не объясняет, почему он выступает в качестве реальной и непосредственной причины социальных действий. Ведь если интерес объективен, но при этом побуждает людей к активности, значит он фатально неизбежен, в мире все предопределено, а от воли людей ничего не зависит. Поэтому наиболее убедительным представляется мнение авторов, считающих, что социальный интерес имеет объективно-субъективную сущность.

Вывод о двойственной природе интереса следует из рассмотрения структуры этого социального явления. Так, А.Г.Здравомыслов выделяет в структуре интереса четыре основных момента: «1) социальное положение субъекта или совокупность его практических связей с обществом; 2) степень осознания положения, которая может широко варьировать от непонимания через смутное ощущение до ясного осознания; 3) идеальные побудительные силы, или мотивы деятельности, направленные на вполне определенные объекты интереса, и, наконец, 4) само действие, которое представляет собой утверждение субъекта в объективном мире»¹².

Под социальным положением субъекта, которое оказывается внутренним моментом его интереса, А.Г.Здравомыслов понимает «совокупность общественных связей, складывающихся у данной группы людей, у данного класса (т.е. у данного социального субъекта) с другими группами и классами». А так как в качестве наиболее значимых социальных связей выступают от-

⁹ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. С. 74.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М., 1972. Т.2. С. 20.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. С. 29-30.

ношения производства, распределения, обмена и потребления, то есть производственные отношения, «важнейшей характеристикой социального положения является уровень развития потребностей и способ их удовлетворения»¹³. Социальное положение – это объективная сторона интереса, которая означает, что сама природа и положение субъекта порождают у него определенные потребности и необходимо требуют от него определенных действий для их удовлетворения.

Таким образом, интерес обнаруживается в двух качествах: во-первых, в объективной взаимной зависимости действующих субъектов (их социальном положении), и, во-вторых, в представлениях тех же субъектов, в отражении этой связи в их сознании. При этом осуществляется непрерывное движение от положения к идеальным побудительным силам и от идеальных побудительных сил через социальные действия к изменению положения. «С одной стороны, это переход объективного в субъективное, так как всякий интерес имеет определенную основу в окружающих обстоятельствах. С другой стороны, это переход субъективного в объективное, так как интерес есть мотив деятельности, благодаря которому претворяются в действительность субъективные цели, желания, намерения и т.д. В двойственном отношении объективного и субъективного в самом интересе состоит основная трудность понимания этой категории»¹⁴.

Взятые во всей своей противоречивости практические связи и отношения субъекта, не только многообразны, т.к. характеризуют всевозможные стороны его объективного положения, но и различны по глубине: наиболее существенные из них сочетаются с теми, которые соответствуют временным особенностям текущей ситуации. Поэтому отражающие их идеальные побудительные силы также противоречат друг другу, но, тем не менее, «выступают в качестве побудительных мотивов действий, зачастую достаточно мощных, несмотря на то, что они остаются «неосознанными» в теоретическом или идеологическом плане»¹⁵.

Следовательно, интерес – сложное, внутренне противоречивое явление, «причем противоречия имеются как в его объективной стороне (противоречия положения), так и в субъективной (противоречия мотивов). Но главное противоречие интереса, детерминирующее деятельность субъекта, – это противоречие между объективной и субъективной сторонами интереса. ... Ведь идеальные побудительные силы вовсе не всегда соответствуют реальному положению субъекта»¹⁶.

Таким образом, именно интересы, имеющие сложную структуру и субъект-субъектную направленность, являются внутренним источником активности субъектов на всех уровнях и во всех сферах социальной организации. При таком подходе государства уже не являются единственными субъектами международной интеграции, а межгосударственные соглашения о создании зон свободной торговли, таможенных союзов, совместных экономических пространств не исчерпывают всего многообразия ее проявлений.

Субъектами интеграции можно считать индивидов, вовлеченных в трансграничную экономическую деятельность в качестве предпринимателей, трудовых мигрантов или частных инвесторов¹⁷. Причем участие отдельных людей в международной интеграции наблюдается уже на начальных ее стадиях, когда из-за неразвитости и примитивности форм экономической активности большинство исследователей даже не рассматривают ее (интеграцию) как таковую. Так, Б.А. Хейфец и А.М. Либман приводят в качестве примера нелегальную трансграничную торговлю на африканском континенте, которая, несмотря на свой неофициальный статус, характеризуется большей эффективностью, чем официальная (на ее долю приходится около половины торгового оборота сопредельных государств, тогда как на долю официальной торговли – не более 6 %). В Западной Африке индивиды и небольшие неофициальные компании формируют трансграничные торговые сети, в обязательном порядке охваты-

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. С. 88.

¹⁶ Здравомыслов А.Г. Теоретические и методологические проблемы исследования социальных интересов. Автореферат дисс. ... д. филос. н. М., 1969. С. 18.

¹⁷ Кузнецов А.В. и др. Мониторинг взаимных инвестиций в СНГ. // Центр интеграционных исследований ЕАБР. 2012. Доклад № 6.

Политика и общество 11 (107) • 2013

вающие хотя бы одну страну с конвертируемой валютой и сравнительно либеральной внешнеэкономической политикой. Из стран с жестко регулируемыми валютами они вывозят туда сырье, сельскохозяйственную продукцию и товары, пользующиеся значительными субсидиями; за счет этого им удастся аккумулировать конвертируемую валюту для закупки импортных товаров (электроники, текстиля и т.п.), которые транспортируются в обратном направлении и перепродаются там. При этом «некоторые страны осознают свою транзитную роль в сетевых структурах и стремятся выстраивать свое внешнеэкономическое регулирование (прежде всего законодательство о реэкспорте) таким образом, чтобы содействовать их развитию и извлечению ренты»¹⁸.

О вкладе, который вносят в развитие интеграционных связей трудовые мигранты, можно судить по интенсивности формируемых ими трансграничных финансовых потоков. Так, работающие в России граждане Молдавии ежегодно переводят на родину около одного, а выходцы из Таджикистана – примерно три миллиарда долларов; сумма переводов из России в Киргизию достигает двойного размера госбюджета этого центральноазиатского государства¹⁹.

Решающую роль в деле международной интеграции играет деятельность транснациональных корпораций. Так, задолго до создания Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) американские транснациональные компании, заинтересованные в использовании сравнительно дешевых мексиканских трудовых ресурсов, начали располагать в приграничных штатах Мексики «сборочные» производства – так называемые *maquiladoras*. К моменту начала переговоров о создании НАФТА (конец 1980-х годов) в Мексике работало около полутора тысяч заводов с общей занятостью порядка 400 тысяч человек²⁰. Именно

«инвестиционная экспансия транснациональных корпораций США стала ключевым фактором в возникновении формальной интеграционной группировки и в углублении региональной экономической интеграции»²¹. В России подобная практика существовала в виде толлинга в цветной металлургии.

Субъектами международной интеграции становятся также фирмы и предприятия, не являющиеся транснациональными, но вступающие в отношения производственной кооперации с зарубежными контрагентами. Например, в последнее время все активнее развивается сотрудничество товаропроизводителей из стран-участниц Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, а также из Украины: «Сибсельмаш» имеет свое совместное предприятие в Акмолинской области Казахстана, а белорусские предприятия совместно с российскими и украинскими входят во многие финансово-промышленные группы («Электронные технологии», «Точность», «Аэрокосмическое оборудование», «Интерагроинвест», «БелРусАвто», «Формаш», «Интернавигация», «Межгосметиз», «Оптроника»), межгосударственные акционерные компании («Вымпел», «Скала», «БелРуслесмаш») или совместные предприятия («Международная калийная компания», «Визир», «Соэлис» и др.). В рамках ФПГ «РусБелАвто» сотрудничают 3 российских и 4 белорусских предприятия, в составе ФПГ «Формаш» по производству оборудования для изготовления химических волокон – 47 российских, 7 украинских и 2 белорусских предприятия, а ФПГ «Точность» объединяет 17 промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро России, 2 организации Украины и 1 Белоруссии. Комплектующие белорусского производства поставляются на «КамАЗ», «ВАЗ», «ГАЗ», «ПАЗ», «УралАЗ», «ЛиАЗ» и другие предприятия.

Интеграционному развитию способствуют также неформальные международные контакты представителей делового сообщества на уровне отдельных отраслей промышленности. Так, в рамках АТЭС идет активный Отраслевой диалог (Industry Dialogue) в автомобилестроении, химической промышленности и цветной металлургии.

¹⁸ Хейфец Б.А., Либман А.М. Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. – М.: Издательство ЛКИ. 2008. С. 44.

¹⁹ Евразийский экономический союз: отношение к проекту в странах СНГ. Доклад РИСИ. // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16). С. 9, 29, 31.

²⁰ Mayer F.M. Interpreting NAFTA: The Science and Art of Political Analysis. N.Y.: Columbia University Press. 1998.

²¹ Хейфец Б.А., Либман А.М. Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. – М.: Издательство ЛКИ. 2008. С. 26.

Политико-административные единицы в составе государств (регионы), представляющие собой социально-политические общности, реализация интересов которых имеет четко выраженную территориально обусловленность, отличаются этим от корпоративных структур с их дисперсными, не связанными с конкретными территориями интересами. Являясь крупными субъектами собственности, экономической деятельности и экономической власти, регионы конкурируют друг с другом, как на внутригосударственных административных рынках, так и на международных рынках институциональных сред. Причем в отличие от корпораций, зачастую повышающих свои конкурентные преимущества за счет поиска оптимальных юрисдикций функционирования, регионы активно преобразуют эти юрисдикции, в том числе путем их унификации в рамках трансграничного взаимодействия, выступая, таким образом, в роли субъектов международной интеграции. Таковы «треугольники роста» в Юго-Восточной Азии²², регион Каскадия, охватывающий север тихоокеанского побережья США и юг побережья Канады, проект «Калифорнии»²³, основанный на взаимодействии тихоокеанских штатов США и Мексики, а также еврорегионы, для поддержки которых в рамках Европейского Союза с 1990 года реализуется программа INTERREG²⁴.

Другое проявление этой роли – проекты по совместному развитию инфраструктуры, освоению ресурсов, решению экологических или гуманитарных проблем, которые иницируют сопредельные регионы разных стран. Так, в Южной Америке получила поддержку на межгосударственном уровне идея объединения системой каналов трех главных водных артерий континента – рек Ориноко, Амазонки и Параны. Реализация этого проекта сделает навигационными 10 тыс.

км и напрямую соединит почти все страны континента. По словам колумбийского президента А. Урибе, сделан «шаг вперед в процессе интеграции, интеграции инфраструктуры, интеграции экономик, интеграции кооперации, интеграции ради искоренения бедности»²⁵.

Новой тенденцией в развитии международной интеграции, проявившейся в период кризиса 2008-2009 годов, явилось то, что региональные блоки, до того выступавшие лишь в качестве продукта интеграции входящих в них государств, сами стали проявлять себя в качестве интегрирующихся субъектов. Так, среди вновь заключаемых региональных торговых соглашений растет доля таких, где одной из сторон выступает региональное объединение – ЕС, ЕАСТ, АСЕАН, МЕРКОСУР, Южноафриканский таможенный союз, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Более того, в 2008-2009 годах появились первые межблоковые (и одновременно межрегиональные) торговые соглашения: между ЕАСТ и Южноафриканским таможенным союзом, между ЕАСТ и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, а также между ЕС и Карибским форумом африканских, карибских и тихоокеанских государств. В 2010 году ЕС и МЕРКОСУР договорились о возобновлении официальных переговоров о создании ими зоны свободной торговли, охватывающей территорию проживания 800 миллионов человек. «Возникающая в результате принципиально новая кооперационная структура мирового хозяйства все более утрачивает сотовый характер, где интенсивность сотрудничества внутри пространственно сопряженных торговых блоков существенно выше, чем в неблоковом и/или межрегиональном формате, и приобретает сетевую основу, при которой выравнивается интенсивность блокового и внеблокового, зачастую сильно разделенного в пространстве интеграционного взаимодействия»²⁶.

²² Dosh J., Hensengerth O. Subregional Cooperation in Southeast Asia: The Mekong Basin // European Journal of East Asian Studies. 2005. Vol. 4. № 2.

²³ Clark S. E. Spatial Concepts and Cross Border Governance Strategies: Comparing North American and Northern Europe Experience. Mimeo, 2002.

²⁴ Stephenson P. Inter-Regionalism and Administrative Regions in European Cooperation. Paper presented at the CSGR Conference. Warwick. October 2005.

²⁵ Цит. по: Лобер В.Л. Рост и укрепление региональных интеграционных структур в Западном Полушарии // Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / Под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова и Л.О. Терновой. – М.: Изд-во РАГС. 2007. С. 117.

²⁶ Снартак А.Н. Современный регионализм. // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 1. С. 9.

Политика и общество 11 (107) • 2013**Библиография:**

1. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М., 1973. Blauberger I.V., Judin Je.G. Stanovlenie i sushhnost' sistemnogo podhoda. – М., 1973.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. Gegel' G.V.F. Filosofija prava. – М., 1990.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. – М., 1972. T.2. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let. – М., 1972. T.2.
4. Евразийский экономический союз: отношение к проекту в странах СНГ. Доклад РИСИ. // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16). Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: otnoshenie k proektu v stranah SNG. Doklad RISI. // Problemy nacional'noj strategii. 2013. № 1 (16).
5. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. S.13-14. Zdravomyslov A.G. Potrebnosti. Interesy. Cennosti. М., 1986. S.13-14.
6. Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. Zdravomyslov A.G. Problema interesa v sociologicheskoy teorii. – L.: Izd-vo LGU, 1964.
7. Здравомыслов А.Г. Теоретические и методологические проблемы исследования социальных интересов. Автореферат дисс. ... д.филос.н. – М., 1969. Zdravomyslov A.G. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovaniya social'nykh interesov. Avtoreferat diss. ... d.filos.n. – М., 1969.
8. Кант И. Сочинения. М., 1965. Т.4. Ч.1. Kant I. Sochinenija. М., 1965. T.4. Ch.1.
9. Киреева Н.В. Потребности социального субъекта как система / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – М., 1997. – 36 с. – Деп. в ИНИОН РАН 6.02.97, № 52307. Kireeva N.V. Potrebnosti social'nogo sub#ekta kak sistema / Mosk. ped. gos. un-t im. V.I.Lenina.-M., 1997.-36 s.-Dep. v INION RAN 6.02.97, № 52307.
10. Кузнецов А.В. и др. Мониторинг взаимных инвестиций в СНГ. // Центр интеграционных исследований ЕАБР. 2012. Доклад № 6. Kuznecov A.V. i dr. Monitoring vzaimnykh investicij v SNG. // Centr integracionnykh issledovaniy EABR. 2012. Doklad № 6.
11. Лобер В.Л. Рост и укрепление региональных интеграционных структур в Западном Полушарии // Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / Под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова и Л.О. Терновой. – М.: Изд-во РАГС. 2007. Lober V.L. Rost i ukreplenie regional'nykh integracionnykh struktur v Zapadnom Polusharii // Problemy regional'noj integracii: politicheskie, jekonomicheskie i kul'turnye processy / Pod obshh. red. Ju.N. Gavrilova i L.O. Ternovoj. – М.: Izd-vo RAGS. 2007.
12. Сетров М.И. Принцип системности и его основные понятия. // Проблемы методологии системного исследования. – М: Мысль, 1970. Setrov M.I. Princip sistemnosti i ego osnovnye ponjatija. // Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya. – М: Mysl', 1970.
13. Хейфец Б.А., Либман А.М. Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. – М.: Издательство ЛКИ. 2008. Hejfec B.A., Libman A.M. Korporativnaja integracija: Al'ternativa dlja postsovetskogo prostranstva. – М.: Izdatel'stvo LKI. 2008.
14. Clark S. E. Spatial Concepts and Cross Border Governance Strategies: Comparing North American and Northern Europe Experience. Mimeo, 2002.
15. Dosh J., Hensengerth O. Subregional Cooperation in Southeast Asia: The Mekong Basin // European Journal of East Asian Studies. 2005. Vol. 4. № 2.
16. Mayer F.M. Interpreting NAFTA: The Science and Art of Political Analysis. – N.Y.: Columbia University Press. 1998.
17. Stephenson P. Inter-Regionalism and Administrative Regions in European Cooperation. Paper presented at the CSGR Conference. Warwick. October 2005.

References (transliteration):

1. Blauberger I.V., Judin E.G. Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda. – М., 1973. Blauberger I.V., Judin Je.G. Stanovlenie i sushhnost' sistemnogo podhoda. – М., 1973.
2. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. – М., 1990. Gegel' G.V.F. Filosofija prava. – М., 1990.
3. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let. – М., 1972. T.2. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let. – М., 1972. T.2.
4. Zdravomyslov A.G. Potrebnosti. Interesy. Tsennosti. М., 1986. S.13-14. Zdravomyslov A.G. Potrebnosti. Interesy. Cennosti. М., 1986. S.13-14.
5. Zdravomyslov A.G. Problema interesa v sotsiologicheskoy teorii. – L.: Izd-vo LGU, 1964. Zdravomyslov A.G. Problema interesa v sociologicheskoy teorii. – L.: Izd-vo LGU, 1964.

6. Zdravomyslov A.G. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovaniya sotsial'nykh interesov. Avtoreferat diss. ... d.filos.n. – M., 1969. Zdravomyslov A.G. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovaniya social'nykh interesov. Avtoreferat diss. ... d.filos.n. – M., 1969.
7. Kant I. Sochineniya. M., 1965. T.4. Ch.1. Kant I. Sochineniya. M., 1965. T.4. Ch.1.
8. Kireeva N.V. Potrebnosti sotsial'nogo sub'ekta kak sistema / Mosk. ped. gos. un-t im. V.I.Lenina.-M., 1997.-36 s.-Dep. v INION RAN 6.02.97, № 52307. Kireeva N.V. Potrebnosti social'nogo sub#ekta kak sistema / Mosk. ped. gos. un-t im. V.I.Lenina.-M., 1997.-36 s.-Dep. v INION RAN 6.02.97, № 52307.
9. Kuznetsov A.V. i dr. Monitoring vzaimnykh investitsii v SNG. // Tsentr integratsionnykh issledovaniy EABR. 2012. Doklad № 6. Kuznetsov A.V. i dr. Monitoring vzaimnykh investitsiy v SNG. // Centr integratsionnykh issledovaniy EABR. 2012. Doklad № 6.
10. Lober V.L. Rost i ukreplenie regional'nykh integratsionnykh struktur v Zapadnom Polusharii // Problemy regional'noi integratsii: politicheskie, ekonomicheskie i kul'turnye protsessy / Pod obshch. red. Yu.N. Gavrilova i L.O. Ternovoi. – M.: Izd-vo RAGS. 2007. Lober V.L. Rost i ukreplenie regional'nykh integratsionnykh struktur v Zapadnom Polusharii // Problemy regional'noj integratsii: politicheskie, jekonomicheskie i kul'turnye processy / Pod obshh. red. Ju.N. Gavrilova i L.O. Ternovoj. – M.: Izd-vo RAGS. 2007.
11. Setrov M.I. Printsip sistemnosti i ego osnovnye ponyatiya. // Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya. – M: Mysl', 1970. Setrov M.I. Princip sistemnosti i ego osnovnye ponjatija. // Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya. – M: Mysl', 1970.
12. Kheifets B.A., Libman A.M. Korporativnaya integratsiya: Al'ternativa dlya postsovetskogo prostranstva. – M.: Izdatel'stvo LKI. 2008. Hejfec B.A., Libman A.M. Korporativnaya integratsiya: Al'ternativa dlja postsovetskogo prostranstva. – M.: Izdatel'stvo LKI. 2008.
13. Clark S. E. Spatial Concepts and Cross Border Governance Strategies: Comparing North American and Northern Europe Experience. Mimeo, 2002.
14. Dosh J., Hensengerth O. Subregional Cooperation in Southeast Asia: The Mekong Basin // European Journal of East Asian Studies. 2005. Vol. 4. № 2.
15. Mayer F.M. Interpreting NAFTA: The Science and Art of Political Analysis. – N.Y.: Columbia University Press. 1998.
16. Stephenson P. Inter-Regionalism and Administrative Regions in European Cooperation. Paper presented at the CSGR Conference. Warwick. October 2005.